

Тремполец Артём Юрьевич,
магистрант, Луганский филиал
Воронежский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации
Trempolets Artyom Yuryevich,
Master's student, Luhansk Branch
Voronezh Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation

**ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ
HISTORICAL ROOTS AND MODERN TRANSFORMATIONS OF THE DEATH
PENALTY AS AN EXCEPTIONAL MEASURE OF PUNISHMENT**

Аннотация. В статье рассматривается эволюция смертной казни от древних форм кровной мести до современного состояния как исключительной меры наказания. Анализируются исторические предпосылки возникновения высшей меры, ее правовая природа, а также современные тенденции гуманизации и отмены. Особое внимание уделяется трансформации морально-этических и юридических оснований применения смертной казни в XXI веке.

Abstract. The article examines the evolution of the death penalty from ancient forms of blood feud to the modern state as an exceptional measure of punishment. The historical prerequisites for the emergence of capital punishment, its legal nature, as well as modern trends in humanization and abolition are analyzed. Special attention is paid to the transformation of the moral, ethical and legal grounds for the use of the death penalty in the 21st century.

Ключевые слова: Смертная казнь, высшая мера наказания, исторические корни, гуманизация права, право на жизнь, аболиционизм, ретрибутивизм.

Keywords: Death penalty, capital punishment, historical roots, humanization of law, right to life, abolitionism, retributionism.

Введение

Институт смертной казни (высшая мера наказания, *ultimum supplicium*) на протяжении всей истории политико-правовой мысли и правоприменительной практики представляет собой один из наиболее дискутируемых феноменов уголовно-правового принуждения. Его парадигмальная амбивалентность детерминирована не только имманентной фатальностью и абсолютной необратимостью карательных последствий в условиях перманентного риска судебных ошибок (*judicial fallibility*), но и фундаментальным онтологическим противоречием: легитимным делегированием публичному институту суверенной прерогативы распоряжаться наивысшей конституционной ценностью – правом на жизнь (*jus vitae ac necis*).

Экстраординарный статус данного вида санкции исторически коррелирует с концепцией талиона и сакрализацией публичной мести, эволюционируя от архаичных форм коллективной ответственности к индивидуализированному возмездию Нового времени, а затем – к доктрине превенции и утилитаристской концепции общего устрашения.

Научная актуальность исследования обусловлена наличием выраженного глобального вектора демортизации уголовной политики (*global moratorium trend*): согласно данным международных мониторинговых организаций (*Amnesty International* [1], *Penal Reform International* [2]), более двух третей государств мирового сообщества реализовали отказ от применения исключительной меры наказания как де-юре (законодательная отмена), так и де-

факто (введение долгосрочных мораториев или неприменение приговора на практике под эгидой международного обычного права). Данная тенденция подкрепляется деятельностью профильных институтов ООН и растущим числом ратификаций Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах.

Одновременно фиксируется феномен устойчивого сохранения и даже ренессанса ретрибутивной модели уголовного правосудия в ряде юрисдикций, сохраняющих данный институт в национальном законодательстве и демонстрирующих высокие показатели приведенных в исполнение приговоров (Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки, Исламская Республика Иран, Королевство Саудовская Аравия). Указанная геополитическая асимметрия формирует сложную картину фрагментации мировых правовых стандартов и ставит перед компаративистикой задачу осмысления причин дивергенции национальных уголовно-правовых систем.

Целью настоящей статьи является осуществление сравнительно-исторического анализа генезиса института *ultimum supplicium* и выявление ключевых векторов его современных трансформаций в условиях правовой конвергенции и противостояния универсалистских правозащитных подходов доктринам государственного суверенитета.

1. Исторические корни смертной казни

Генезис смертной казни как исключительной меры наказания уходит в глубинные пласты социальной и правовой эволюции человечества, отражая трансформацию представлений о справедливости, возмездии и порядке. На этапе родоплеменного строя институт смертной казни еще не имел государственно-правового характера – его функции выполняла кровная месть, выступавшая не столько как проявление личной вражды, сколько как социально санкционированная обязанность рода по восстановлению нарушенной гармонии. В данном контексте ключевую роль играл принцип талиона, закреплявший идею равновозмездности («око за око») [3, с. 78], которая воспринималась как необходимое условие поддержания космического и социального порядка. Смерть правонарушителя трактовалась не только как акт возмездия, но и как сакральное действие, призванное умиловить высшие силы и очистить общину от «скверны» [4, с. 167-190]. Публичность и демонстративная жестокость казней (распятие, сожжение, побивание камнями) имели ритуально-символическое значение: они визуализировали изгнание зла и подтверждали сплоченность коллектива перед лицом угрозы его ценностно-нормативной целостности. Таким образом, в архаических обществах смертная казнь функционировала как синкретичный институт, совмещавший правовые, религиозные и социально-интегративные функции.

С развитием государственности и усложнением социальной структуры происходит постепенная институционализация смертной казни: она перестает быть частным делом рода и переходит в компетенцию публичной власти, становясь инструментом легитимного принуждения. В античном мире данный процесс отчетливо прослеживается на примере римского права – в частности, в Законах XII таблиц смертная казнь предусматривалась за широкий круг деяний, включая кражу, лжесвидетельство и поджог [5, с. 25-33], что свидетельствует о стремлении государства закрепить монополию на насилие и обеспечить защиту базовых социальных институтов. В средневековой Европе институционализация высшей меры наказания приобрела дополнительные измерения, обусловленные переплетением светской и церковной юрисдикции: смертная казнь активно использовалась как средство устрашения и поддержания социального контроля, а также как инструмент религиозной политики – наиболее ярко это проявилось в деятельности инквизиции, преследовавшей еретиков и иных «врагов веры» [6, с. 79-81]. Характерной чертой эпохи стала театрализация экзекуций: публичные казни (четвертование, колесование и др.) превращались в масштабные зрелища, выполнявшие одновременно карательную, воспитательную и символическую функции – они наглядно демонстрировали

неограниченную власть монарха и церкви, легитимируя их право на определение границ дозволенного. Ритуальный характер подобных мероприятий подчеркивал не только неотвратимость наказания, но и иерархическую структуру общества, где демонстрация насилия служила механизмом воспроизводства властных отношений (например: дело тамплиеров или Жанны д'Арк, где религиозное обвинение служило прикрытием для решения светских задач).

Таким образом, на протяжении средневекового периода смертная казнь эволюционировала в многоаспектный инструмент. Она одновременно служила двум основным целям: поддержанию общественного порядка путем устрашения и реализации религиозной политики церкви, которая, в союзе с монархами, боролась с идеологическими угрозами. Ключевую роль в институционализации и упорядочивании этого репрессивного аппарата сыграла инквизиция.

Однако уже в эпоху Просвещения, ставшей переломным моментом в истории западной правовой мысли, институт смертной казни впервые подвергается систематической рациональной критике, положившей начало многовековой традиции аболиционизма. Ключевым событием этого интеллектуального переворота стала публикация в 1764 году трактата Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» [7], который по праву считается фундаментом современной пенитенциарной теории. Беккариа, исходя из принципов общественного договора и естественного права, сформулировал ряд аргументов, поставивших под сомнение легитимность и целесообразность высшей меры. Во-первых, он утверждал, что государство, будучи продуктом добровольного соглашения граждан, не может обладать правом на жизнь человека, поскольку индивид никогда не передавал суверену этого права – никто не вправе отдать то, чем не владеет в полной мере. Во-вторых, Беккариа продемонстрировал неэффективность смертной казни как средства устрашения, указав, что не быстротечный ужас мгновенной смерти, а длительное и наглядное страдание каторги или тюремного заключения оказывает более сильное психологическое воздействие на потенциального преступника. Наконец, он обратил внимание на необратимость судебной ошибки, что в условиях несовершенного человеческого правосудия делает смертный приговор фатальным и непоправимым. Идеи Беккариа, подхваченные и развитые Вольтером, Дидро, Кантом (хотя последний и отстаивал принцип талиона в моральной философии) и другими мыслителями, постепенно проникли в законодательные практики [8]. Под их влиянием в ряде европейских государств началось ограничение применения смертной казни: сужался круг составов преступлений, караемых смертью, вводились требования к процедуре судопроизводства, а публичные казни, воспринимавшиеся отныне как варварское зрелище, стали постепенно вытесняться в закрытые пространства тюремных стен. Таким образом, эпоха Просвещения не отменила смертную казнь, но заложила тот критический дискурс, который в последующие столетия привел к ее фактической отмене в большинстве стран мира.

2. Современные трансформации смертной казни

В XX и XXI веках институт смертной казни претерпел столь глубокие и многоаспектные изменения, что можно говорить о качественной трансформации его сущности, а не просто об эволюции отдельных элементов. Наиболее заметным проявлением этой трансформации стало резкое сужение сферы применения высшей меры наказания. Если в предшествующие столетия смертная казнь предусматривалась за десятки, а то и сотни составов преступлений, включая имущественные и религиозные деликты, то в современном мире ее применение, как правило, ограничивается узким кругом наиболее тяжких деяний – умышленными убийствами при отягчающих обстоятельствах, актами терроризма, государственной изменой, а в некоторых юрисдикциях – особо тяжкими преступлениями против человечности. Параллельно с этим процессом происходит радикальная гуманизация способов приведения приговора в исполнение. Жестокие и мучительные виды казни, характерные для предшествующих эпох, повсеместно уступили место процедурам, которые в

юридическом и медицинском дискурсе позиционируются как более «гуманные»: смертельная инъекция, расстрел (в странах, сохраняющих эту практику), повешение, а в отдельных государствах – электрический стул или газовая камера. Однако дискуссия о подлинной гуманности этих методов остается открытой и весьма острой. Многочисленные исследования и документированные случаи свидетельствуют о том, что смертельная инъекция, особенно при недостаточной квалификации персонала или использовании препаратов с истекшим сроком годности, может причинять приговоренному сильные физические страдания [9; 10; 11], что ставит под сомнение саму этическую легитимность подобных процедур.

Другим ключевым вектором современных трансформаций стало широкое распространение мораториев и конституционных запретов на применение смертной казни. Во многих государствах мира, включая Российскую Федерацию, Казахстан, а также подавляющее большинство стран Европы, высшая мера наказания отменена либо де-юре – путем прямого законодательного запрета или включения соответствующих норм в конституцию, либо де-факто – посредством введения длительного моратория на исполнение приговоров при формальном сохранении смертной казни в уголовном кодексе. Особую роль в этом процессе играет Европейский Союз, который рассматривает отмену смертной казни в качестве одного из обязательных условий для вступления в организацию, что стало мощным стимулом для аболиционистских реформ в странах Центральной и Восточной Европы. В то же время ситуация в мире далека от однородности. Соединенные Штаты Америки демонстрируют ярко выраженную правовую фрагментацию: в то время как часть штатов (преимущественно на северо-востоке и западе страны) полностью отменили смертную казнь или ввели мораторий, другие (главным образом на юге) продолжают активно применять высшую меру наказания, что порождает серьезные вопросы о равенстве граждан перед законом и о региональной дифференциации права на жизнь. Эта асинхронность развития – одновременное движение в сторону полного запрета и сохранение архаичных практик – составляет одну из главных характеристик современного этапа эволюции смертной казни как исключительной меры наказания.

Наряду с сужением сферы применения и гуманизацией методов, одним из наиболее весомых факторов, подрывающих легитимность смертной казни в современном мире, стала проблема судебных ошибок [12] и системной дискриминации при вынесении смертных приговоров [13]. Развитие молекулярно-генетических методов идентификации личности, в первую очередь ДНК-экспертизы, привело к беспрецедентному по своим масштабам пересмотру уголовных дел, по которым были вынесены смертные приговоры. В Соединенных Штатах Америки, где практика посмертной и прижизненной эксгумации вещественных доказательств получила наибольшее распространение, были документально подтверждены десятки случаев ошибочного осуждения невиновных к высшей мере наказания [14]. Эти разоблачения нанесли сокрушительный удар по одному из главных аргументов сторонников смертной казни – тезису о безошибочности правосудия, продемонстрировав, что человеческая юстиция, какой бы совершенной она ни казалась, неизбежно подвержена риску фатальных ошибок, которые в случае применения смертной казни становятся неисправимыми. Более того, многочисленные криминологические и социологические исследования убедительно свидетельствуют о наличии устойчивых дискриминационных паттернов в практике назначения смертных приговоров [15, с. 21-100]. Статистические данные показывают, что вероятность вынесения смертного приговора значительно выше в тех случаях, когда жертвой преступления является представитель доминирующей социальной группы, а обвиняемый принадлежит к расовому, этническому или социальному меньшинству [16]. В частности, в американской юрисдикции афроамериканцы, совершившие убийство белого человека, получают смертный приговор непропорционально чаще по сравнению с белыми подсудимыми при аналогичных обстоятельствах. Фактор имущественного неравенства также играет критическую роль: подсудимые, не имеющие средств

на квалифицированную юридическую защиту, оказываются в заведомо более уязвимом положении, что превращает смертную казнь из инструмента правосудия в механизм воспроизводства социального неравенства.

Параллельно с этими юридическими и криминологическими вызовами происходит глубокий религиозный и этический поворот в восприятии смертной казни, который затронул как институциональные религиозные организации, так и светскую этическую мысль. Если на протяжении большей части истории монотеистические религии – христианство, ислам, иудаизм – не только санкционировали, но и активно благословляли применение высшей меры наказания, рассматривая ее как инструмент божественного возмездия, то в последние десятилетия наблюдается радикальное переосмысление этой позиции. Наиболее показательным является эволюция доктрины Римско-католической церкви: если еще в середине XX века католическое богословие допускало смертную казнь как крайнее средство защиты общества, то при понтификате папы Франциска она была объявлена неприемлемой в любых обстоятельствах, как противоречащая достоинству человеческой личности и евангельскому принципу милосердия. Этот сдвиг отражает более широкий этический тренд, характерный для современной моральной философии, – смещение акцента с ретрибутивной концепции наказания, основанной на идее возмездия и пропорционального страдания, на восстановительное правосудие, ориентированное на реабилитацию преступника и примирение сторон. В рамках этого подхода смертная казнь рассматривается не только как неэффективное средство предупреждения преступности, но и как морально ущербная практика, которая, окончательно исключая человека из социального общения, лишает его возможности искупления и нравственной трансформации. Таким образом, религиозный и этический поворот, подкрепленный данными о судебных ошибках и дискриминации, формирует мощный ценностный консенсус, постепенно вытесняющий смертную казнь на периферию современной правовой культуры.

3. Сравнительно-правовой анализ

Многообразие современных подходов к смертной казни наиболее рельефно проявляется при сравнительно-правовом анализе практик ее применения в различных юрисдикциях, который представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Сравнительно-правовой анализ применения смертной казни

Критерий	США	Китай	Исламские страны (Иран, Саудовская Аравия)	Россия
Правовое основание	Федеральное законодательство + законы отдельных штатов. Решения Верховного суда США накладывают ограничения (напр., запрет на казнь несовершеннолетних и лиц с умственной отсталостью).	Уголовный кодекс КНР, решения Верховного народного суда. Высокая степень централизации: все смертные приговоры подлежат утверждению Верховным народным судом.	Шариат (исламское право), инкорпорированный в национальное законодательство. Принцип <i>кисас</i> (возмездие) и <i>дийя</i> (выкуп за кровь).	Конституция РФ (ст. 20) и Уголовный кодекс. С 1996 г. действует мораторий, введенный Указом Президента и подтвержденный Постановлением Конституционного суда.

Круг преступлений	Сужен до особо тяжких преступлений (убийство при отягчающих обстоятельствах, терроризм, государственная измена).	Чрезвычайно широк: убийство, терроризм, коррупция, экономические преступления (взятки в особо крупном размере), наркотрафик, преступления против госбезопасности.	Тяжкие насильственные преступления (убийство) + религиозные и моральные деликты: вероотступничество, богохульство, прелюбодеяние, гомосексуальные контакты.	Формально предусмотрена за 5 составов (убийство при отягчающих обстоятельствах, геноцид, посягательство на жизнь гос. деятеля и др.), но не применяется.
Процедурные особенности	Многоступенчатая система апелляций (федеральный и штатный уровни). Средний срок нахождения в камере смертников – 15-20 лет.	Ускоренное судопроизводство. Институт «смертной казни с отсрочкой исполнения» (<i>sīhuǎn</i>): 2-летний испытательный срок с возможностью замены на пожизненное заключение.	Суды часто основаны на религиозных нормах. Возможность примирения с семьей потерпевшего (<i>дийя</i>). В Саудовской Аравии – отсутствие формализованного уголовного кодекса	Формально сохраняется вся процедура (суд, апелляция, помилование). Мораторий блокирует стадию исполнения приговора.
Фактическое применение	Активно применяется в ряде штатов (Техас, Флорида, Алабама). В других штатах – отмена или мораторий. Ежегодно приводятся в исполнение десятки приговоров.	Самое высокое в мире количество казней (точные данные засекречены). Оценки правозащитников – тысячи казней в год.	Стабильно высокий уровень применения. Сохраняются публичные казни (в т.ч. отсечение головы, побивание камнями).	Не применяется с 1996 г. Формально мораторий не отменен, но правовая позиция КС РФ (2009 г.) фактически блокирует его снятие.
Уникальные характеристики	«Синдром ожидания смерти» (<i>death row phenomenon</i>) – психологические страдания от многолетнего пребывания в камере	Высокая латентность: отсутствие прозрачной статистики. Институт <i>sīhuǎn</i> создает иллюзию гуманизации	Публичный и ритуальный характер казней. Возможность прощения со стороны семьи жертвы. Широкое применение за	Уникальный пример страны, где смертная казнь сохранена в законодательстве, но полностью блокирована политико-правовым

	смертников. Высокая стоимость судебного процесса (апелляции, экспертизы).	при сохранении репрессивного потенциала.	ненасильственны е преступления (с точки зрения западного права).	консенсусом (необходимость ратификации Протокола № 6 к ЕСПЧ).
--	---	--	---	---

Представленная таблица демонстрирует принципиальную гетерогенность современных подходов к смертной казни. Если США и Россия (при всех различиях) двигаются в направлении ограничения и фактической отмены высшей меры, то Китай и исламские страны сохраняют ее как действенный инструмент уголовной политики, хотя и в разных идеологических обоснованиях – светско-государственном и религиозно-правовом соответственно. Особого внимания заслуживает институт *sihuǎn* в Китае, который не имеет прямых аналогов в других правовых системах, а также российский мораторий, представляющий собой пример «спящего» правового института, чья судьба остается предметом политических и конституционных дискуссий.

Заключение

Итак, смертная казнь трансформировалась из сакрального акта возмездия в сложный юридический и этический феномен. Исторические корни (устрашение, талион) уступают место современным тенденциям: отказу от необратимых наказаний, приоритету прав человека и осознанию риска судебных ошибок. Однако в странах с высоким уровнем преступности или авторитарными режимами она сохраняется как символ неограниченной власти государства.

Таким образом, дальнейшая судьба института смертной казни будет определяться сложным и динамичным балансом между несколькими разнонаправленными факторами: общественным запросом на суровое возмездие, особенно резонансным в периоды роста преступности или террористических угроз; глобальным движением за полную отмену высшей меры, институционализированным в нормах международного права и фундаментальными цивилизационными различиями в понимании соотношения прав личности и интересов государства, светской этики и религиозного закона. Следовательно, *ultimum supplicium* остается тем правовым институтом, который с предельной остротой обнажает глубинные противоречия современного мира, где ценности гуманизма и прав человека сосуществуют с архаичными практиками насилия и авторитарными инстинктами власти. Ее отмена или сохранение – это не столько технический вопрос уголовного права, сколько маркер того, как то или иное общество отвечает на вечный вопрос о границах государственного принуждения и ценности человеческой жизни.

Список литературы:

1. Amnesty International. Death Sentences and Executions 2023. – London, 2024. – URL: <https://www.amnesty.org.uk/knowledge-hub/all-resources/death-penalty-report-2023/> (дата обращения: 26.07.2026)
2. Penal Reform International – URL: <https://www.decadeofhealthyageing.org/find-knowledge/connect/organisations-networks/penal-reform-international> (дата обращения: 26.07.2026)
3. Авдиев, В.И. История Древнего Востока: учебник для ист. фак. / В.И. Авдиев. – 3-е изд., перераб. – М.: Высшая школа, 1970. – 608 с.
4. История Древнего Востока: Тексты и документы: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 2002. – 719 с.

5. Хрестоматия по римскому праву: учеб. пособие / М.А. Акимова, И.П. Кожокар, В.А. Леус. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 352 с.
6. Бочарова, В.С., Басманова, А.А., Бакшеев, А.И. Социально-философский анализ феномена публичной смертной казни в регулировании общественных отношений в Средневековье / В.С. Бочарова, А.А. Басманова, А.И. Бакшеев // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 6. – С. 79-81.
7. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях: пер. с итал. / Ч. Беккариа. – М.: Инфра-М, 2004. – 182 с.
8. Ефимов, А. Как победить преступность / А. Ефимов. – URL: <https://arzamas.academy/materials/766> (дата обращения: 26.07.2026)
9. Koniaris, L. Zimmers, T.A. Lubarsky, D.A. Insufficient anesthesia during lethal injection to carry out a death sentence / L. Koniaris, T.A. Zimmers, D.A. Lubarsky. – Lancet. – 2005. – № 365. – P. 1412-1414.
10. Zimmers, T., Sheldon, J., Lubarsky, D., López-Muñoz, F., Waterman, L., Weisman, R., Koniaris, L.G. Lethal Injection for Execution: Chemical Asphyxiation? – URL: <https://journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371/journal.pmed.0040156> (дата обращения: 26.07.2026)
11. Khan, A., Leventhal, R.M. Medical aspects of capital punishment executions / A. Khan, R.M. Leventhal. – J Forensic Sci. – 2002. – № 47. – P. 847-51.
12. Китаев, Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: систематический анализ допущенных ошибок / Н.Н. Китаев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 388 с.
13. Николаев, Б.В. «Черно-белая справедливость»: смертная казнь и вопросы расовой дискриминации / Б.В. Николаев // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 128-140.
14. Цена ошибки: власти США применяют смертную казнь без доказательств/ – URL: <https://russian.rt.com/article/317313-cena-oshibki-vlasti-ssha-primenyayut-smertnuyu-kazn> (дата обращения: 26.07.2026)
15. Стецовский, Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность / Ю.И. Стецовский // Отв. ред. С.А. Пашин – М.: Дело, 2000. – 720 с.
16. Квашис, В.Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы / В.Е. Квашис. – М.: Юрайт, 2008. – 800 с.

